

Галина Скворцова

Разошлись? Развелись?

филологическая драма

«Решили разойтись, но пока ещё не развелись»
Из разговора

Действующие лица:*

Исай (Исаай) – преподаватель медфака, от 35 до 40 лет.

Мария – продавщица в комиссионном магазине, около 30.

Отец Алексей – в прошлом сельский учитель, духовный наставник Марии, 70 лет.

Официант в кафе (роль без слов)

Кэт, официантка в ресторане.

Массовка: люди в масках, публика в ресторане.

А также:

Ахашверош (Артаксеркс) – царь Персии (времена библейские), около 50.

Эстер (Эсфирь) – жена Ахашвероша, 18 лет.

Мардохей – двоюродный брат и наставник Эстер, около 40.

Время действия: наши дни и второе тысячелетие до н. э.

Место действия: некое общее пространство в виде огромной книги, где можно свободно путешествовать, т.е. переходить со страницы на страницу, из одного времени в другое. Каждые две страницы (разворот) должны быть оформлены узнаваемыми для зрителя символами (например, страница «Любовь» – знак Амура; «История» – богиня Клио; «Торговля» – знак Меркурия и т.п.)

Картина первая

Небольшая комната с крайне аскетичной обстановкой. На столе – старинная книга в кожаном переплете с медными застежками, горящая свеча. На стене – темные, строгие лики святых – иконы.

За столом сидит Мария. Отец Алексей, худой седобородый мужчина в черном расхаживает по комнате.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. На чем мы в прошлый раз остановились?

МАРИЯ. Правление царя Ахашвероша.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Да... Поучительная история... События ее происходили сотни и даже тысячи лет назад... Персидский царь Ахашверош, он же Артаксеркс,

---

* По усмотрению постановщика и в соответствии с возможностями театра главные женские и мужские роли могут играть одни и те же актеры (*Прим. авт.*)

решил взять себе новую жену. Для чего повелел со всей страны созвать самых красивых девушек. Привел во дворец свою двоюродную сестру Гадассу и царский привратник Мардохей. Девушка была так хороша собой, что затмила всех остальных претенденток. И влюбился в нее Ахашверош, и назвал своей женой, и дал ей новое имя – Эстер.

МАРИЯ. А Эстер? Она тоже полюбила?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Тогда не принято было спрашивать согласия девушек. Тем более, у Эстер, как и у ее брата Мардохея, иудеев по происхождению, была своя цель. Имя этой цели было Аман – министр и приближенный советник Ахашвероша. Аман ненавидел иудеев и хотел их извести: он считал, что от евреев все несчастья. Но о замыслах Амана узнал Мардохей и с помощью Эстер страшно отомстил ему и его соплеменникам: по наущению Мардохея были казнены не только Аман и десять его сыновей, но истреблены семьдесят пять тысяч жителей страны – мужчин, женщин, детей... (*Заглядывает в книгу.*) "...И многие из народов страны сделались иудеями, потому что напал на них страх пред иудеями..."

МАРИЯ. Страх – это самое сильное. Я, например, не могу спать без света. Боюсь ночных шорохов, своих снов...

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Тебе нужно простить ее. Увидишь – станет легче.

МАРИЯ. Я не могу.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Но прошло уже двадцать лет. И я никогда не слышал, чтобы кто-то обвинял ее. И в суде все свидетельствовали в ее пользу.

МАРИЯ. А за спиной по-прежнему говорят: это дочь той, что убила своего мужа. И если у меня родится дочь, она тоже будет слышать: это внучка той, что убила своего мужа.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Я много думал о твоей матери. О том, почему это с ней случилось. Ведь выйди замуж за своего, деревенского, ее жизнь могла бы сложиться иначе. Но она предпочла чужого. На красоту его поддалась.

МАРИЯ. Вы думаете, если бы она вышла за *своего*, она была бы счастливее?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Про своего все знаешь – и какой характер и кто родители, чем болели... Со своим легче устроить семью.

МАРИЯ. Говорят, я на него похожа.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Ты избегаешь называть его отцом?

МАРИЯ (*молчит*).

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Ты должна молиться за него. За него и за мать.

МАРИЯ. Чтобы молиться, нужно любить. А у меня будто вместо сердца камень.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Это от усталости. На самом деле сердечко у тебя доброе, отзывчивое.

МАРИЯ. ...Я думала, что буду любить всегда. Я родилась с любовью, я это точно знаю... Я всех любила... Но почти каждый старался убить во мне любовь. Были и бунт, и слезы... Теперь все умерло во мне.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Не отчаивайся. Даст Бог, будет у тебя и любовь, и семья. Ты только укрепляйся в вере истинной, древлеотеческой... (*Осняет Марию двоеперстием.*) А к следующему занятию прочитай главу о непорочном Иове. Да, и вот еще что... Все-таки почаще навещай мать. Перебори себя.

Затмение.

Картина вторая

Подсобное помещение комиссионного магазина. Всюду – на столах, на стульях, кучей на полу – лежат вещи. Бросается в глаза напольная вешалка с белыми свадебными платьями.

За столом – Мария в синем форменном халате. Она пришивает ярлыки к сданным на комиссию вещам.

Раздается осторожный стук в дверь.

МАРИЯ. Да, да...

За дверью воцаряется тишина. Затем снова – стук.

МАРИЯ. Да входите же!

В комнату нерешительно входит со вкусом одетый мужчина средних лет. В руках у него портфель.

МУЖЧИНА. Извините...

МАРИЯ (*не отрываясь от работы*). Я вас слушаю.

МУЖЧИНА. Я... вот... портфель принес (*Протягивает портфель.*)

МАРИЯ (*показывает на один из столов*). Положите. Сейчас закончу, посмотрю.

Мужчина неловко поворачивается, зацепляет за вешалку, и та падает вместе со свадебными платьями.

МУЖЧИНА. Извините... Ради бога извините... Кажется, я запачкал (*Поднимает вешалку.*)

МАРИЯ. Запачкать – это? Не волнуйтесь, оно запачкано задолго до вас. (*Встает, подходит к столу, берет портфель, взвешивает его на руке, как если бы покупала на вес. Мужчине.*) Сколько?

МУЖЧИНА. Я хотел бы пятьсот... Впрочем, можно и триста.

МАРИЯ. Так пятьсот или триста?

МУЖЧИНА. Триста.

МАРИЯ. Хорошо, давайте ваш паспорт.

Садится за стол, небрежно перелистывает паспорт, заполняет квитанцию. Мужчина, не дождавшись приглашения, садится напротив, пристально смотрит на Марию.

МАРИЯ (*отрывается от листа*). Еще что-то?

МУЖЧИНА. Нет, ничего.

МАРИЯ (*протягивает мужчине паспорт и квитанцию*). Распишитесь.

МУЖЧИНА (*расписывается. Марии*). У вас грустные глаза.

МАРИЯ. А с чего им веселыми быть?

МУЖЧИНА. С того... что вы – красивая.

МАРИЯ. Ухаживать начинаете?

МУЖЧИНА. Ну что вы... Разве я смею... Но вы действительно красивая. Такая экзотичная красота, как у вас, редко встречается.

Встает, направляется к выходу, но у двери вдруг останавливается.

МУЖЧИНА. Извините... Я не мог бы... Вы не могли бы... Короче, не могли бы вы сегодня вечером пойти со мной в кафе.

МАРИЯ. С какой стати? Я вас впервые вижу.

МУЖЧИНА. Я понимаю. Я вас очень хорошо понимаю. Но мы взрослые люди.

МАРИЯ. Вот я вам как взрослому человеку и говорю: не мешайте работать.

МУЖЧИНА. Зачем же вы так? Я давно хотел с вами познакомиться.

МАРИЯ. О-ля-ля!

МУЖЧИНА. ...Я давно наблюдаю за вами.

МАРИЯ. Ах, вы еще и следите!

МУЖЧИНА. Нет-нет... Дело в том, что я живу в том же доме, где ваш магазин.

МАРИЯ. Это, конечно, аргумент.

МУЖЧИНА. Так я зайду за вами после работы?

МАРИЯ. Попробуйте.

МУЖЧИНА. На всякий случай: меня зовут Исай.

МАРИЯ. Мария.

ИСАЙ. До встречи, Мария.

МАРИЯ. До встречи, Исай.

Исай уходит. Затемнение.

Картина третья (в тот же вечер)

Зал небольшого кафе. За одним из столиков Исай и Мария

ИСАЙ. Когда я впервые увидел вас, то подумал, что такая, как вы, рождается раз в тысячу лет.

МАРИЯ. Ну пошло... как по нотам. Может, вы еще скажете, какая я необыкновенная, загадочная... А по мне – не к чему эти прелюдии. У меня просто аллергия на это. Я самая простая, самая обыкновенная и не надо меня выдумывать. И вот, чтоб вы знали... Весь день я вожусь с чужими шмотками, перебираю то, что когда-то было живым. А вечером выхожу из магазина – и свободна как птица. И готова идти с первым встречным, лишь бы не оставаться одной. Сегодня, можно сказать, мне повезло.

ИСАЙ. Это мне повезло. Я не устану повторять: такой красивой девушки я еще не встречал.

Подходит официант.

ИСАЙ. Пожалуйста, бутылку сухого красного и что-нибудь из горячего.

Официант уходит.

ИСАЙ. ...Я все предлог искал. На улице вроде неудобно подойти, а тут на глаза попался портфель. Он ведь совсем новый, мне его на день рождения подарили.

МАРИЯ. Да, вполне тянул на пятьсот. Но это хорошо, что вы не торговались. Иначе я бы не сидела тут с вами. Что это вы так смотрите?

ИСАЙ. Да вы вся дрожите (*Берет руки Марии в свои.*) Замерзли?

МАРИЯ (*освобождает руки*). Вы очень торопитесь.

ИСАЙ. Вы же сами сказали – «без прелюдий...»

МАРИЯ. Мало ли что я сказала. Лучше закажите коньяку. У нас в магазине жуткие сквозняки. Надо выпить чего-нибудь покрепче.

Исай делает знак официанту.

ИСАЙ. Пожалуйста, еще два коньяка.

Официант уходит.

ИСАЙ (*Марии.*) Вы не похожи на продавщицу.

МАРИЯ. А кто теперь на кого похож? Сейчас модно – продавщица с университетским дипломом.

ИСАЙ. Какой факультет?

МАРИЯ. Филологический.

ИСАЙ. И почему такой резкий поворот?

МАРИЯ. Вы, кажется, исповеди хотите? В двух словах не получится.

ИСАЙ. Не надо в двух. У нас впереди вся ночь.

МАРИЯ. Какой вы быстрый. И потом... мне ночи мало. Я если и соглашусь, то только на всю оставшуюся жизнь.

ИСАЙ. Интересное предложение. Я подумаю. И все-таки почему вы пошли не преподавать, а торговать?

МАРИЯ (*размышляет вслух*). Приходит чужой, что-то выпрашивает... Интересно, зачем?

Официант приносит заказ, ставит на стол. Мария берет бокал с коньяком, делает пару глотков.

ИСАЙ. Вы как будто чего-то боитесь?

МАРИЯ. Я?! Да я даже поздно вечером хожу одна. Люблю смотреть на парочки. Как они сидят в своих машинах, смеются, целуются...

ИСАЙ. Разве у вас не может быть так же?

МАРИЯ. Знаете, говорят: не дано.

ИСАЙ. Интересно, почему?

МАРИЯ. Наверно, не судьба.

ИСАЙ. Может, стоит однажды бросить вызов судьбе?

МАРИЯ. Никого это не доводило до добра.

ИСАЙ. Да вы – фаталист, или как правильно – фаталистка? Но, по-моему, вы просто устали.

МАРИЯ. Второй человек мне уже это говорит.

ИСАЙ. Вот видите! Вам надо позаботиться о своем здоровье. Свежий воздух, хорошее питание, витамины...

МАРИЯ. Вы что, доктор?

ИСАЙ. Угадали. Преподаю на медицинском.

МАРИЯ. Уж не психиатрию ли?

ИСАЙ. Ну что вы, куда безопаснее. Трофологию (*Заметив недоуменный взгляд Марины, поясняет.*) Это наука о питании, совершенно новая дисциплина.

МАРИЯ. Выходит, вы изучаете, как одни питаются за счет других?

ИСАЙ. Это уже Карл Маркс. А я занимаюсь проблемой здорового питания. И, между прочим, мы еще не выпили за знакомство. Ну что? Поднимем бокалы, содвинем их разом...

Чокаются, выпивают. Принимаются за горячее.

МАРИЯ (*после паузы*). А как считают... эти ваши... уфологи – пить не вредно?

ИСАЙ. Не уфологи, а трофологи. Пить хорошее вино не только не вредно, но очень даже полезно, только в меру.

МАРИЯ. Знал бы кто эту меру. Моя бабушка говорила: «душа – мера», а дед ей в ответ: «душа – дура...». Вот и пойми.

ИСАЙ (*придвигается к Марине*). Вы, оказывается, еще и философ.

МАРИЯ (*отодвигается*). ...Я, вот, не пойму, зачем такие специалисты?

ИСАЙ. Это наука будущего.

МАРИЯ. Интересно, что вы рекомендуете богатым?

ИСАЙ. Как и бедным – пост. Они такие же люди, как и мы с вами.

МАРИЯ. Конечно. «Богатые тоже плачут»... (*Смотрит оценивающе на руки Исаю.*) У вас красивые пальцы... Музыкальные. Я заметила это еще в магазине. Профессиональная привычка: на лица редко смотришь, все больше на руки.

ИСАЙ. И о чем говорят наши руки?

МАРИЯ. О многом. О бедности, о жадности, о хорошем доходе... профессии... и... о разных наклонностях тоже.

ИСАЙ. Что вы имеете в виду?

МАРИЯ. У голубых, например, руки мягкие, вялые... Безвольные руки.

ИСАЙ. Надо же! Пять лет изучал анатомию и даже не догадывался о такой особенности. А что скажете о моих руках? Как специалист.

МАРИЯ. (*рассматривает ладонь Исаю*). ...Вы будете жить долго...

ИСАЙ. ... и счастливо.

МАРИЯ. И одиноко. Семейная жизнь у вас не получится.

ИСАЙ. Почему же?

МАРИЯ. Она от вас уйдет.

ИСАЙ. Вот как!

МАРИЯ. Потому что сильно будет любить.

ИСАЙ. Странно... Любить – значит стремиться к человеку.

МАРИЯ. Это в сказках. В жизни, когда слишком любят, то уходят. А если не уходят, теряют все. И любовь тоже.

ИСАЙ. Вы большая выдумщица, Мария. Но когда у вас появится очень близкий и любимый человек...

Чокаются, и, глядя друг другу в глаза, выпивают.

МАРИЯ. Вы... женаты?

ИСАЙ. Но вы же видели мой паспорт.

МАРИЯ. Я не обратила внимания.

ИСАЙ (*неохотно*). Мы разошлись.

МАРИЯ. А дети?

ИСАЙ. Сын.

МАРИЯ. Сколько ему?

ИСАЙ. Девять... Девять с половиной.

МАРИЯ. Как его зовут?

ИСАЙ. Вениамин.

МАРИЯ. Он живет с бывшей или с вами?

ИСАЙ. С бывшей. Ну, а теперь моя очередь.

МАРИЯ. Я не замужем. Снимаю комнату у одной строгой старушки, поэтому к себе пригласить не могу.

ИСАЙ. А если... Если я вас приглашу к себе?

МАРИЯ. Это заманчиво (*Пауза.*). Мне хочется сказать – да.

ИСАЙ. А мне хочется сказать, что я сегодня самый счастливый человек на свете.

Картина четвертая (на следующий день)

Утро. Квартира Исаея. Белый круглый стол, два стула – тоже белого цвета. На стенах – в белых лаковых рамочках абстрактные пейзажи. Большую часть одной из стен занимает стеллаж, также белого цвета – с аккуратными рядами книг. Единственное, что нарушает строгий порядок в комнате, это ажурное металлическое кресло, заваленное газетами и глянцевыми журналами, да легкий ветерок из открытого настежь белого окна.

Исаей и Мария только что проснулись.

ИСАЙ. Доброе утро! Ты выспалась?

МАРИЯ. Нет, то и дело просыпалась. Всю ночь кричали птицы.

ИСАЙ. Это часы. Совсем забыл тебе о них сказать (*Многозначительно.*) Но вчера было не до того.

МАРИЯ. Не вчера, а сегодня. Мы пришли около часа ночи.

ИСАЙ. Может быть. Я не заметил.

МАРИЯ (*оглядывается*). Ты сказал – часы. Но где же они? Я их не вижу.

Исаей встает, подходит к креслу, извлекает из-под газет большие круглые часы. На циферблате против каждого часа, обозначенного арабской цифрой, изображена птичка.

МАРИЯ. Так вот почему у этих птичек голоса задушенные. Вскрикнет – и захлебнется, словно воздуха не хватает.

ИСАЙ. Батарейки сели, хотел поменять, да что-то отвлекло. А ну их, эти часы... (*Кидает часы в кресло; смотрит, не отрываясь на Марину.*) Я все еще не верю, что ты и я... Что мы вместе... Это невозможно... Невероятно...

Подходит к дивану, опускается на колени, ласкает Марию.

МАРИЯ. У тебя волшебные руки... Их тепло проникает в каждую клеточку... Всю ночь болела голова, но стоило твоим рукам прикоснуться ко мне – и я здорова. Мне хорошо, легко, покойно.

ИСАЙ. Если случайно я встречал тебя на улице, то в этот день я уже не мог думать ни о чем, кроме как о тебе.

МАРИЯ. Ты, наверно, очень влюбчив?

ИСАЙ. Есть такой грех. Но тут что-то другое... С тех пор, как я увидел тебя, все остальные женщины перестали для меня существовать. Все лучшее – в тебе (*Откровенно любит Марией.*) Счастье любить такую женщину. Ты – мое счастье.

МАРИЯ. Скажи, а твоя бывшая жена красивая?

ИСАЙ (*нехотя*). Да. У нее классически правильные черты.

МАРИЯ. Как ее зовут?

ИСАЙ. Марина.

МАРИЯ. Мари... У нас почти одно имя. Может, мы еще в чем-то похожи?

ИСАЙ. Ты что, ревнуешь?

МАРИЯ. Немножко. Но я хочу полюбить всех, кого ты любил, с кем ты жил. Твой сын... Он похож на тебя?

ИСАЙ (*с гордостью*). Говорят, что – да.

МАРИЯ. Почему вы расстались?

ИСАЙ. Наверное, ей чего-то не хватало во мне, а мне – в ней. С ней я не мог быть самим собой. Вот как с тобой. Мне кажется, что ты – моя душа, моя анима... Слышишь?

МАРИЯ (*прислушивается*). Нет, ничего не слышу.

ИСАЙ. А сейчас?

МАРИЯ. Теперь слышу. Как она звонко поет!

ИСАЙ. Это пеночка-весничка.

МАРИЯ. Откуда ты знаешь?

ИСАЙ. В детстве я ловил птиц.

МАРИЯ. А я-то думала – ты городской-прегородской.

ИСАЙ. Так и есть. Это мне гены деда передались. Тоже был заядлый птицелов.

МАРИЯ. Как бы я хотела быть в твоей клетке.

ИСАЙ. Предпочитаешь свободу – клетке?

МАРИЯ. Я сказала – в *твоей* клетке. Рядом с тобой мне не нужна свобода. Зачем она мне? Я не знаю, что с ней делать.

ИСАЙ. А я не хочу быть в клетке, пусть даже она из золота. Это все равно – тюрьма.

МАРИЯ. Мне иногда кажется, что человек сам себе тюрьма.

ИСАЙ. Нет-нет! Всё не так... Всё совсем не так... Не человек себе – тюрьма... Прутья клетки, о которые он бьется, ранит себя – это зло. Оно навязывает нам свою волю, оно разделяет нас.

МАРИЯ. Вот и я, бьюсь, бьюсь... Кажется, уже живого места не осталось.

ИСАЙ. Дед рассказывал мне, что есть особенные, мудрые птицы: они не бьются, не мечутся в поисках выхода, а внимательно присматриваются, отыскивают дверцу, открывают ее – и обретают свободу... Каждый из нас должен отыскать эту дверцу.

МАРИЯ. Тогда мне нечего искать: моя «дверца» – это ты.

ИСАЙ (*прижимает к себе Марию; дурашливо*). «Ах, попалась птичка в сеть, не уйдешь из сети...» (*Встает, подходит к окну*.) Посмотри, как парит эта птичка... Она может полететь куда угодно... В Италию, Францию, Англию... Везде ее мир, везде она чувствует себя как дома... К тому же, ей не видны с высоты наши грязные уродливые дома, наши разбитые дороги...

МАРИЯ (*подходит к окну*). Я их не вижу и отсюда. Я вижу только тебя, и мне кажется, что мир вокруг прекрасен.

ИСАЙ. Идеалистка ты моя.

МАРИЯ. Исай! Она не улетает! Она почему-то кружит над березой.

ИСАЙ. Там скворечник. Я его прошлой весной повесил.

МАРИЯ. Вот видишь! И птица стремится к своему гнезду. А ты говоришь – свобода... *(После паузы.)* У нас в деревне под крышей жила ласточка... Из сучьев и глины такой славный домик смастерила себе... Отцу не нравилось, мол, стену грязнит пометом. Она, бедняжка, только совет гнездо, а он – соскребать... Уж как мы с мамой его упрашивали не делать этого...

ИСАЙ. А я в детстве никого и ничего не любил сильнее птиц. Я мог часами слушать их пение, наблюдать за их повадками... Вся моя комната была заставлена клетками... Зяблики, дрозды, канарейки, скворцы... А как-то я поймал соловья. Всю дорогу, что я нес его к дому, он пел, а я радовался его пению. Я тогда не знал, что поющего соловья нельзя сажать в клетку: в разлуке с подругой он не сможет жить. Так и случилось: утром у себя в комнате я нашел мертвую птицу, а рядом с домом еще одну... Я был ужасно расстроен и пошел со своим горем к деду. Но он отчего-то усомнился в моей любви к пернатым. На его взгляд, я любил вовсе не птиц, а свои чувства к ним. «Высшее наслаждение, – сказал дед, – это когда птица сама садится тебе на плечо...» И я перестал ловить птиц, а тех, что сидели в клетках, выпустил на волю. Теперь я просто радовался тому, что они есть, что они такие разные... Ну например, бекас... Забавная птаха... Кажется, вовсе безголосая, но вдруг по весне что-то случается с ней: она взмывает высоко-высоко вверх, и оттуда, из поднебесья, стремглав бросается вниз. Воздушный поток треплет хвостовые перышки, перышки трепещут – и раздается ни на что не похожий звук – песня бекаса...

МАРИЯ. Он что... хвостом поет?

ИСАЙ. Вроде того.

МАРИЯ. Хотела бы я услышать эту песню.

ИСАЙ. Ты разве еще не слышала ее?

МАРИЯ. Нет.

ИСАЙ. А мне казалось, я только и делаю, что пою ее для тебя... «Сестра моя, возлюбленная моя, чистая моя... Пленила ты сердце мое, пленила одним взглядом очей твоих... Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень на руку твою...»

МАРИЯ *(подхватывает)*. «...Скажи мне ты, которого любит душа моя: где бываешь ты? где отдыхаешь в полдень? К чему мне быть скиталицей возле стад товарищей твоих?»

ИСАЙ. Ты знаешь «Песнь Песней»?

МАРИЯ *(передразнивает)*. «Ты знаешь "Песнь песней"? Отчего же мне не знать... *(Продолжает.)* «Открыла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. И души во мне не стало... Я искала его и не находила, звала его, и он не отзывался мне... И кричала я всем прохожим: если вы встретите возлюбленного моего, то скажите ему, что я изнемогаю от любви...»

ИСАЙ. «Возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные...» Кстати, у нас есть еще полбутылки вина и горсточка изюма. Хочешь?

МАРИЯ. Да, хочу... Но только из твоих рук.

Исай уходит на кухню, откуда приносит поднос вином, фужеры и блюдце с изюмом; ставит на стол, разливает вино.

ИСАЙ. Прóше, пани!

Насыпает на ладонь изюм. Мария наклоняется и «по-птичьи», губами берет изюм из рук Исаи. Исай целует затылок, шею, волосы Марии.

МАРИЯ (*мягко отстраняется*). Ты будишь во мне зверя.

ИСАЙ. Зверя? Это плохо?

МАРИЯ. Не знаю. «Зверь» – это желание все большего и большего.

ИСАЙ. По-моему, замечательное желание. Почему бы тебе не осуществить его?

МАРИЯ. Я боюсь. Я боюсь этого зверя.

ИСАЙ. А ты выпусти его. Увидишь – он станет ручным (*Тянется к Марии.*)

Мы все – от зверя.

МАРИЯ. А я думала, мы – божьи.

ИСАЙ. Увы... Как бы нам ни хотелось причислить себя к неземным цивилизациям, но предок наш – обезьяна.

МАРИЯ. В таком случае твой дед был прав, и мы любим не птиц, а свое наслаждение. Лиши нас этих наслаждений – и что останется?

ИСАЙ. Любовь! (*Страстно целует Марию*) Ты похожа на орхидею.

МАРИЯ. В народе этот цветок зовут любкой. Когда-то в лесу мы собирали целые букеты, а теперь, говорят, в Красную книгу занесли, как исчезающее растение.

ИСАЙ. Любка... Значит, ты – Любка?... Любовь... Вот почему меня так тянуло к тебе.

Мария как слепая, пальцами изучает лицо Исае – его лоб, глаза, нос, губы...

МАРИЯ. Я люблю твои руки, твою улыбку... Она у тебя как у ребенка – добрая, открытая.

ИСАЙ. Почему ты плачешь?

МАРИЯ. Не знаю. Наверное, от счастья.

ИСАЙ. Все будет хорошо. Все будет просто замечательно. Мы построим дом на берегу моря и по вечерам будем смотреть, как садится солнце, а утром – встречать рассвет. И так всегда.

МАРИЯ. А там будут другие дома кроме нашего?

ИСАЙ. Да, если хочешь.

МАРИЯ. Тогда пусть это будет остров.

ИСАЙ. И мы назовем его «Птичий остров».

МАРИЯ. Только без птицеловов.

ИСАЙ. Ну разумеется, мы же будем одними из этих птиц.

МАРИЯ. Мы превратимся в птиц?

ИСАЙ. Конечно. Если захотим. Ты хочешь?

МАРИЯ. Да... Очень (*Исаю.*) Ты веришь? Веришь, что так будет?

ИСАЙ. Я хочу верить. Я хочу верить, что мы начнем все заново. Ни у тебя, ни у меня – никого – ни прежде, ни теперь. Ни смертей, ни встреч, ни ожиданий... Все – с нуля! Мы – чистые. Табула rasa, на которой еще ничего не написано. Отсчет начинается с этого дня: Я – твой первый мужчина, а ты – моя первая женщина. С нас начинается История. Новая история... Новейшая... В которой не будет ни ненависти, ни предательства, ни войн... У нас будет *свое* прошлое. И свои новые имена. Недаром говорят: имя человека – его судьба. Мы изменим имена и изменим судьбу. Ты согласна?

МАРИЯ. Согласна. Вместе – и навсегда.

Затемнение.

Картина пятая (спустя неделю)

В квартире Исая.

ИСАЙ (*Марии*). Я что-нибудь соображу на ужин, а ты поскучай тут без меня (*Уходит на кухню.*)

Мария подходит к стеллажу, перебирает на полках книги. Одна ее заинтересовывает. Открыв первую страницу, читает.

МАРИЯ. «Исаю от Исаака...» Притча об олене и лошади» (*Листает.*)

ИСАЙ (*из кухни*). Может, хочешь классику послушать? Гайдна, Вивальди...

Мария не откликается, увлеченная книгой. Исай выходит из кухни,

ИСАЙ. У меня все готово (*Заглядывает в книгу, которую читает Мария.*)

МАРИЯ. Тут ошибка. Иса-ай вместо Исай. «А» лишнее в твоём имени.

ИСАЙ. Нет, все правильно. Я – полукровка. Отец отца – русский, а отец матери – еврей. Мама хотела в честь своего – Исааком, а отец в честь своего – Исаем. Вот и получился гибрид. Но, конечно, все зовут меня Исаем (*Берет у Марии книгу, ставит на полку.*).

МАРИЯ. Так ты... еврей?

ИСАЙ. Тебя это шокирует?

МАРИЯ. Нет. Просто там, откуда я родом, евреев никогда не было.

ИСАЙ. Неужели! Неужели есть такое благословенное место? Наверное, там настоящий рай. Туда как допуск? По пропускам или физиономиям?

МАРИЯ. Прости. Я не хотела тебя обидеть.

ИСАЙ. Разве я могу на тебя обижаться. Но, если по-честному, тебе ведь неприятно, что я оказался евреем? Неприятно – да?

МАРИЯ. Мне неприятно, что ты подумал плохо обо мне (*Обнимает Исаю.*) Скажи что-нибудь на иврите. Например... как будет – север?

ИСАЙ. Цафон.

МАРИЯ. Море?

ИСАЙ. Ям.

МАРИЯ. Солнце?

ИСАЙ. Нашэмэн...

Они перекидываются словами легко и непринужденно, как в пинг-понг, но вдруг, неожиданно для них самих, игра обретает новый смысл, теперь они произносят слова с особым, понятным им одним значением.

МАРИЯ. Любовь?

ИСАЙ. Ахава...

МАРИЯ. Нежность?

ИСАЙ. Рох...

МАРИЯ. Судьба?

ИСАЙ. Гораль...

МАРИЯ. Обида?

ИСАЙ. Эльбон...

МАРИЯ. Странение?

ИСАЙ. Цевель...

МАРИЯ. Вера?

ИСАЙ. Дат...

МАРИЯ. Бог?

ИСАЙ. Барух...

ИСАЙ. Ну все! У меня жаркое, наверное, остыло. Прошу за стол! Я – мигом.

Уходит. Возвращается с подносом. Вместе с Марией сервируют стол. Садятся. Исай разливает вино, протягивает бокал Марии.

ИСАЙ (*Марии*). За тебя. За то, чтобы у нас было еще много-много таких вечеров (*Чокаются, выпивают.*)

Затемнение.

Картина шестая

У ворот дворца царя Ахашвероша. Мардохей в ожидании Эстер. Увидев приближающуюся фигуру в темном покрывале, спешит ей навстречу.

МАРДОХЕЙ. Наконец-то! Ну что, ты решилась?

ЭСТЕР. Боязно мне... Это против закона.

МАРДОХЕЙ (*насмешливо*). Их закона.

ЭСТЕР (*с мольбой смотрит на Мардохея*). Он убьет меня. Еще ни один мужчина и ни одна женщина не входили в его покои незванными.

МАРДОХЕЙ. Если ты промолчишь, дом твоего отца будет уничтожен. (*Язвительно.*) Или дом твоего отца для тебя ничто, и ты думаешь, что сможешь одна спастись здесь?

ЭСТЕР. Не сердись. Я сделаю так, как ты скажешь. Об одном попрошу: прежде, чем пойти мне к нему, ты, и другие тоже, не должны есть и пить три дня и три ночи. И я со служанками моими буду также поститься. И уж если суждено мне погибнуть – погибну.

МАРДОХЕЙ (*с восторгом смотрит на Эстер*). Я не знаю женщины прекраснее, чем ты.

ЭСТЕР. Не говори так, я ненавижу себя.

МАРДОХЕЙ. Знаю, все знаю. Но у нас нет другого выхода... (*Обнимает Эсфирь.*) Мне говорили, что он благоволит к тебе... Вряд ли он захочет тебя убить.

ЭСТЕР. Да, я ему понравилась.

МАРДОХЕЙ. ...Он любит красивых женщин. Но ты должна превзойти их всех... Твое оружие – твое великолепное тело (*Мардохей не скрывает своего восхищения, его взгляд ласкает Эстер.*) Пользуйся же им!

ЭСТЕР. Ты же знаешь, как противно это душе моей.

МАРДОХЕЙ. Мы многое делаем из того, что противно душе нашей. Но иначе... Иначе нас бы уже давно не было. Терпи, моя Эстер! Рано или поздно мы отомстим за все свои унижения... Придет время – и у нас появится своя земля, она соберет нас всех вместе, и каждый построит на ней свой дом и больше не будет опасаться за свою жизнь и жизнь своих близких... И я сам, своими руками построю

тебе дом, и все будут называть его «домом Эстер»... Как ты думаешь, никто не догадывается?..

ЭСТЕР. Кажется, нет. Он спрашивал, какого я рода, но я, как ты и велел, не сказала (*Кокетливо, передразнивая саму себя*). «О, мой господин, я всего лишь верная раба твоего царства...» (*Смеется.*) Ему понравилось. Вы же, мужчины, падкие на лесть.

МАРДОХЕЙ. Не сказал бы.

ЭСТЕР (*с любовью глядя на Мардохея*). Ты – исключение. Потому что самый сильный и самый умный.

МАРДОХЕЙ. ...и самый хитрый. Послушай-ка, что я тебе скажу... Ты пригласишь царя с Аманом на пир... (*Шепчет что-то на ухо Эстер.*)

Затемнение.

Картина седьмая (спустя два месяца)

В квартире Исаия. Мария выходит из ванной, вытирает волосы. Исай лежит на диване.

МАРИЯ. Я вот думаю, что происходит с русской, когда она становится женой еврея?

ИСАЙ. По-моему, она становится еще красивее, расцветает.

МАРИЯ. А по-моему, она перестает быть самой собой. Еврейка всегда остается еврейкой, а русская – перестает.

ИСАЙ. Тогда... может, ее и не было?

МАРИЯ. То есть как – «не было»?

ИСАЙ. Было нечто жидкое... подвижное... жаждущее войти в берега.

МАРИЯ. Дальше можешь не продолжать. Дальше я прочитала в этой книге – про оленя и лошадь. Вы – олень, мы – лошадь... Вы – свободные, мы – рабы...

ИСАЙ. Иди сюда, моя прекрасная рабыня.

Мария подходит, садится рядом.

ИСАЙ. Дай твою руку... (*Целует ладонь Марии.*) Какая нежная, какая вкусная ладошка, так бы и съел (*Нарочито рычит.*) Знаешь, о чем я мечтаю? Чтобы я уехал по каким-то делам в город, а ты бы осталась и ждала меня в нашем доме. Я возвращаюсь, открываю дверь – ты бросаешься мне на шею, говоришь: «Как я без тебя...»

МАРИЯ. Это было бы здорово. Как в кино... американском. Там всегда хороший конец (*С интересом.*) А какой он будет, наш дом?

ИСАЙ. Такой, каким ты хочешь видеть его.

МАРИЯ. Я хочу... чтобы он был похож на корабль или на русскую печь. Ты знаешь, что такое настоящая русская печь?

ИСАЙ. Теоретически.

МАРИЯ. Она тоже похожа на корабль – с топкой, трубой, маленькими оконцами-иллюминаторами... В детстве, когда меня обижали, я забиралась на печь, и она меня согревала, успокаивала. Там я читала сказки, путешествовала...

ИСАЙ. Да, в русских сказках любят путешествовать, не слезая с печи. Что ты видишь еще в нашем доме?

МАРИЯ. На крыше я хотела бы иметь стеклянную комнату – для наблюдения за звездами...

ИСАЙ. Замечательно! Я построю тебе такой дом. Просторный, светлый дом-корабль с собственной обсерваторией.

МАРИЯ. Это правда?

ИСАЙ. Такая же правда, как то, что мы сейчас с тобой вдвоем. Все зависит только от нас, от нас двоих.

МАРИЯ. «О, если бы ты мне был брат, тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы. Повела бы я тебя в дом матери моей. Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматным вином...»

ИСАЙ. «...даже большие воды не смогут потушить нашей любви, и реки не зальют ее, и если бы кто давал мне все богатство мира за любовь, то он был бы с презрением отвергнут...»

МАРИЯ (*встает, смотрит в зеркало*). Мой быстроногий король-олень! Я хотела бы верить тебе. Но быть нищей тоже плохо. Вот если бы у меня были деньги...

ИСАЙ. И что? Чтобы это изменило в наших отношениях?

МАРИЯ. Если бы у меня были деньги, я была бы другой... Более уверенной, что ли.

ИСАЙ. И сколько тебе нужно для этого денег?

МАРИЯ. Да в общем-то немного. Мне не нужны миллиарды. Но сейчас я чувствую себя кем-то вроде бедной Золушки.

ИСАЙ. ...которая мечтает о принце на белом коне.

МАРИЯ (*с вызовом*). Да, о принце! Который приедет и заберет меня отсюда. И мы проживем с ним сто лет и умрем в один день.

ИСАЙ. Меня ты уже в расчет не берешь?

МАРИЯ (*подходит к окну*). Пока мы здесь – с этими облаками, с этим солнцем, с этим деревом... Пока мы здесь – мы вместе. А там... за этими стенами свирепствуют ветры... Ты чувствуешь, они продувают наш дом насквозь.

ИСАЙ. Ты неисправимая фантазерка. Зачем нам думать про то, что будет. Жить нужно одним днем. Сегодня нам хорошо, сегодня мы счастливы – и прекрасно!

МАРИЯ. А завтра?

ИСАЙ. Завтра? Одному Богу известно, что будет завтра.

МАРИЯ. А хочешь, я скажу тебе притчу. Встретились однажды мужчина и женщина. И так понравились друг другу, что даже полюбили. Но ничего у них не вышло. Потому что по жизни ее род и его были чужие.

ИСАЙ. Бред какой-то! При чем здесь – «род»? Мы что – в Средневековье живем?

МАРИЯ. А разве что-нибудь с тех пор изменилось? «...И полюбил царь Эстер... и сделал ее царицею...» А она возьми да обмани его.

ИСАЙ. Не было бы Эстер, возможно, не было бы сейчас и меня.

МАРИЯ. Эстер убила Амана, но зачем же было убивать еще и десятерых его ни в чем не повинных сыновей? Нет, она не героиня. Царица мести – вот кто такая ваша Эстер.

ИСАЙ. А ваша героиня – терпеливая, жилистая баба.

МАРИЯ. Терпение ведет к миру, а месть передается, как зараза. Мечь Эстер все еще в воздухе.

ИСАЙ. Ты говоришь о ней так, словно это случилось вчера. Нельзя судить историю нынешними мерками.

МАРИЯ. Они не ушли... Я чувствую их всех рядом... Совсем рядом... Прекрасную Эстер сегодня зовут Марина.

ИСАЙ. О Господи! «Люта, как преисподняя, ревность твоя...» Но «по мне, уже само движение губ существенней, чем правда и неправда: в движении губ гораздо больше жизни, чем в том, что эти губы произносят...» Иосиф Бродский. Читала?

МАРИЯ. Нет.

ИСАЙ. Хочешь дам почитать?

МАРИЯ. Я уже одну твою книгу читала.

ИСАЙ. Жаль. И теперь я скажу тебе свою правду: это не я разлюблю тебя. Это ты никогда не полюбишь меня и то, что дорого мне. В этой стране все, даже любимые женщины, заражены нелюбовью.

МАРИЯ. Мне неприятно, когда ты говоришь – в «этой стране». Это все равно, что ты сказал бы обо мне – «эта женщина».

ИСАЙ. Что делать, если я чувствую себя здесь чужим.

МАРИЯ. Но твой отец русский.

ИСАЙ. Это только все усложняет. Я не тот и не другой. Я раздвоен и даже расчужден.

МАРИЯ. И ты всегда так чувствовал?

ИСАЙ. Нет, не всегда. Раньше было по-другому. Вроде даже дружили. Все люди – братья... Интернационал... Но вдруг выяснилось, что это было притворство.

МАРИЯ. С чьей стороны?

ИСАЙ. Не знаю. Теперь не знаю. Может, и раньше все это было, а мы только делали вид, что этого нет. Про себя могу сказать одно – я всегда хотел быть одним из вас, хотел быть с вами, но вы меня не принимали, отталкивали... Вы загоняли меня в мое еврейство... Я знаю почти наверняка, что даже те люди, которые хорошо ко мне относятся, не доверяют мне. Не до конца доверяют, всегда дистанция.

МАРИЯ. А ты? Кому ты доверяешь... до конца?

ИСАЙ. Ты же знаешь – кому... (*Смотрит в глаза Марии.*) И в доказательство приглашаю тебя в ресторан. Отметим завтра праздник судьбы. Нашей судьбы.

Затемнение.

Картина восьмая (вечер следующего дня)

Зал ресторана. За столами с горящими семисвечниками люди в масках и в красочных костюмах библейских времен. На небольшом подиуме скрипач и аккордеонист играют «песню радости» – Хава нагила – под которую часть публики с увлечением танцует и поет. Исай и Мария за одним из уединенных столиков листают меню.

МАРИЯ (*глядя в зал*). Почему они в масках?

ИСАЙ. Потому что праздник. Праздник судьбы. По-еврейски – Пурим.

МАРИЯ. И что это значит?

ИСАЙ. Во времена известного тебе царя Ахашвероша решалась судьба еврейского народа – быть или не быть. В память о своем спасении мы и собираемся в этот день.

МАРИЯ. Стало быть... мы с тобой празднуем не нашу судьбу, а *ту* резню?

ИСАЙ. И нашу судьбу – тоже.

МАРИЯ (*не слушая*). ...там были женщины, дети... Их-то зачем – под топор.

ИСАЙ (*смеется*). Какой еще топор? Тогда в ходу были кинжалы или ножи... На войне как на войне, особенно, если выбора нет: не ты их, так они – тебя. Разве не также у русских? По-моему, ваша история еще более кровава.

МАРИЯ. История, но не Бог. Наш Бог любит всех, а ваш – только своих.

ИСАЙ. Да, своих. Но Он таков и в Библии. Своих учеников любил, а торговцев выгонял из храма.

МАРИЯ. Намекаешь?

ИСАЙ. Глупенькая, ну какой же ты торговец.

МАРИЯ. Выходит, здесь одни евреи?

ИСАЙ. С чего ты взяла? Вон за тем столиком мой коллега по медфаку, он – русский; через столик от него – Гоги, грузин... Интересуется здоровым питанием, в чем я ему посильно помогаю.

Подходит официантка.

ОФИЦИАНТКА (*Марии*). Марго, ты что ли?

МАРИЯ. Привет, Кэт. Не ожидала тебя здесь встретить.

КЭТ. А уж как я не ожидала да еще в компании с господином доктором.

ИСАЙ (*Кэт*). Вы меня знаете?

КЭТ. Еще бы не знать. Вы же недавно у нас со своей супругой лекцию читали о здоровом питании.

ИСАЙ. Да, да, действительно было. Понравилась лекция?

КЭТ. Здорово! Я теперь питаюсь только отдельно. Ну а вы что будете?

ИСАЙ. Мария, ты что хочешь?

МАРИЯ. Пусть решит специалист по питанию

ИСАЙ. Значит, на закуску паштет из телячьей печени и овощной салат. На второе заливной карп. Ну и, конечно, праздничное вино и гоменташа.

КЭТ (*записывает*). Отличный выбор, не пожалеете (*Уходит*.)

ИСАЙ. А я, оказывается, многого о тебе не знаю. Например, о твоём втором имени. «Марго...» Звучит в общем-то пошло.

МАРИЯ. Это от студенческих лет осталось. Мы с Кэт... вообще-то она Катя, вместе на филфаке учились. Кэт закончила с красным дипломом.

ИСАЙ. Интересное явление: учительницы повально кинулись в торговлю. К чему бы это?

МАРИЯ. А к тому же, почему доктора кинулись в здоровое питание.

ИСАЙ. Сдаюсь! Один ноль в твою пользу (*Напевает под музыку, доносящуюся с эстрадной площадки*.) «Тумбала, тум-бала, тум-балалайка... Тум-бала, тум-бала, смейся и пой! Тум-балалайка, сердцу сыграй-ка, пусть веселится вместе с тобой!» (*Марии*.) Пойдем потанцуем.

Выходят на танцевальную площадку, сливаются с танцующими в маскарадных костюмах. Самозабвенный танец Марии вызывает восхищение окружающих. Ей аплодируют. Довольные, Исай и Мария возвращаются к своему столику.

ИСАЙ (*напевает, находясь все еще под впечатлением музыки и танцев*). «Думает парень ночь напролёт: ту ли девчонку он в жёны берёт? Можно влюбиться и ошибиться... Ах, если б правду знать наперед!

МАРИЯ (*подпевает*). «Тумбала, тум-бала, тум-балалайка... Тум-бала, тум-бала, смейся и пой...»

Садятся за стол, уже сервированный Кэт. Исай разливает вино, подает бокал Марии.

ИСАЙ. Ты была великолепна. Столько огня, страсти... За тебя!

МАРИЯ. Страсть зависит от партнера... А у меня такой партнер... Сама себе завижидую.

Чокаются.

МАРИЯ. Отличное вино.

ИСАЙ. Еще бы! Кровь Амана.

МАРИЯ (*закашливается*). Что ты сказал?

ИСАЙ (*показывает на вазу с печеньем. Со смехом.*). А это «уши Амана», гоменташа.

МАРИЯ (*отодвигает от себя бокал.*) И ты еще говоришь о моих предрассудках... Я больше не буду это пить.

ИСАЙ. Ты слишком впечатлительна. Я же пошутил.

МАРИЯ. Надеюсь, и то, что сказала Кэт, также шутка. Ну, насчет ваших совместных с *супругой* лекций в ресторане. Разве вы не в разводе?

ИСАЙ (*после паузы*). Нет.

МАРИЯ. Но ты же говорил...

ИСАЙ. Что?! Что я говорил?! Мы можем хотя бы сегодня обойтись без выяснений.

МАРИЯ. ...что вы развелись.

ИСАЙ. Не развелись, а разошлись. (*Повторяет с нажимом.*) Ра-зо-шлись... Ты – филолог и должна понимать разницу.

МАРИЯ. Я не филолог, я – продавщица, и я не понимаю разницы. Объясни.

ИСАЙ. Развелись – значит, есть в паспорте штамп о разводе. Разошлись – остается штамп о браке, но вместе не живем. То есть мы остаемся мужем и женой чисто формально. Для самых близких делаем вид, что у нас гостевой брак (*Пытается взять руку Марии в свою.*)

МАРИЯ. С Мариной гостевой брак, с Марией – гостевая любовь.

ИСАЙ. Ну зачем же так. Я бы рад жить вместе, но ко мне приходит сын, он не поймет. Давай твою тарелку. Тебе что положить?

МАРИЯ. Все равно.

Пауза. Едят.

МАРИЯ. Я хочу тебя спросить...

ИСАЙ. Да, я весь внимание.

МАРИЯ (*молчит*).

ИСАЙ. Я слушаю.

МАРИЯ. Это... Это необычный вопрос.

ИСАЙ. Ты можешь задавать мне любые вопросы (*Шутливо.*) Ведь ты моя анима.

МАРИЯ. Почему... Почему ты не отдаешь мне то, что обычно во время любви мужчина отдает женщине?

ИСАЙ. Тебе было плохо со мной?

МАРИЯ. Нет, мне было очень хорошо. И все же – почему? Это же так естественно.

ИСАЙ. Зато никаких последствий.

МАРИЯ. А если... Если я хочу последствий.

ИСАЙ. Все не так просто, Мария.

Пауза.

ИСАЙ. Я берегу твое нежное тело.

МАРИЯ. А если нежное тело жаждет завязи.

ИСАЙ. Ребенок – это большая ответственность. Ты так не считаешь?

Пауза.

МАРИЯ. А если я хочу ответственности. Мне скоро тридцать и скоро уже будет поздно.

ИСАЙ. Это невозможно. По крайней мере, сейчас. Если бы у тебя был свой ребенок, ты бы меня поняла.

МАРИЯ. Это ты ничего не понял. Я выбрала тебя, а *они* все остались там... (*Машет рукой в неопределенном направлении, упрямо, с вызовом повторяет.*) *Они* – там, а я – здесь... Отказник... Нет, отказница... Я оставила их всех... *Они* – там, а я – здесь! (*Показывает на ресторанную публику, самозабвенно аплодирующую танцорам в костюмах и масках.*)

ИСАЙ. Я не знаю, в чем дело, но мне кажется, с тобою что-то не так. Стоит нам выйти в люди – и начинаются проблемы. Хочешь, я устрою тебя к знакомому психологу. Умный, тактичный человек. Насколько мне известно, многим помог.

МАРИЯ. Не нужно. У меня есть свой психолог.

ИСАЙ. Уж не тот ли седобородый, с кем я видел тебя на днях? Я бы не сказал тебе об этом, но ты первая начала.

МАРИЯ. Почему же ты не окликнул меня?

ИСАЙ. Не знаю. Что-то остановило.

МАРИЯ. Это мой наставник.

ИСАЙ. Священник?

МАРИЯ. Нет, он не посвящен. Он – из староверов. Раньше жил в нашей деревне, преподавал в школе... Говорят, ему многое пришлось испытать, даже пострадать за веру. Он теперь ничего не хочет для себя, а все только для людей. К нему отовсюду идут за советом.

ИСАЙ. Мне недавно рассказали одну странную историю, тоже связанную со священником. Он тайно обвенчал девушку с женатым человеком. Причем знал об этом.

МАРИЯ. Зачем он это сделал?

ИСАЙ. Наверное, поверил в их любовь.

МАРИЯ. Это ужасно.

ИСАЙ. И что же здесь ужасного?

МАРИЯ. Я не могу это выразить, но я так чувствую. Обвенчан с одной, живет с другой...

ИСАЙ. Скорее всего, он не хотел обижать ту, с кем прожил много лет. Но его истинной женой была другая, с которой он венчался.

МАРИЯ. Быть обвенчанными – и жить в разлуке... Это все равно, что душу разделить надвое. Нет, это все ужасно... Напрасно я пришла сюда. Как говорил отец Алексей: «Лучше пойти в дом плача, чем в дом пира» Прощай! (*Уходит.*)

Затемнение.

Картина девятая
(спустя три месяца после знакомства с Исаем)

Мария в молельной отца Алексея.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Давненько мы с тобой не встречались. Занята была?

МАРИЯ. Да, много работы. В деревню вот ездила.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Как мать?

МАРИЯ. Похоже, ей никто не нужен. Все копается в своем огороде.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Это хорошо. Земля душу лечит, от дурных мыслей отвлекает.

МАРИЯ. А меня отвлекает только любовь. Отец Алексей... я, кажется, полюбила.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Поздравляю. Но почему не вижу радости на твоём лице?

МАРИЯ. Мне хорошо с ним, но и тревожно.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Как его зовут?

МАРИЯ. Исай.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Хорошее, староверское имя.

МАРИЯ. Он по паспорту Исаай, с двумя «а».

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Такого имени в святцах нет. Ну да что говорить. У нас ведь тоже прежде был Иус, а потом добавили еще одно «и» – стал Иисус. Всего одна буква, а изменилась вся жизнь.

МАРИЯ. Он... не нашей веры.

Пауза

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Как он относится к тебе?

МАРИЯ. Говорит, что любит.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Так в чем же дело? Ты любишь его, он любит тебя... Это то, о чем ты мечтала.

МАРИЯ. У нас все разное. У них праздник, у нас – пост. Мне нравятся одни книги, ему – другие. И слова мы понимаем по-разному. Он любит меня, но мой род он презирает.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Он так и сказал?

МАРИЯ. Так прямо не сказал, но дал понять. Через книгу одну.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. И что же в той книге?

МАРИЯ. В первой части мнения иностранцев о нас. А во второй – притча о быстроногом олене и ленивой лошади, которую погоняет пастух.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. И какая здесь связь?

МАРИЯ. Ленивая лошадь при пастухе – это все мы, а быстроногий олень – они.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Гордый, стало быть, народ. Высоко себя несет.

МАРИЯ. Они не знают нас... и не хотят знать. Они хотят, чтобы мы думали, как они, делали, как они...

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. А ты этого не хочешь?

МАРИЯ. Иногда кажется, что именно этого я и хочу. Думать, как он... Делать, как он.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. И что же тебя останавливает?

МАРИЯ. Весь мой род. Все они, оказывается, живут во мне, и они протестуют, они не хотят, чтобы я была с ним.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Когда ты это поняла?

МАРИЯ. На их еврейском празднике. Все там были красивые, веселые... ни одного пьяного. Я смотрела на этих людей и думала, почему они радуются друг другу, а мы – нет? Почему с нами происходит так много страшного? Почему мы все отделились друг от друга? Жена ненавидит мужа, дети – отца, брат – сестру? Почему среди нас так много людей с незадавшимися жизнями? За что Бог не любит нас?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Люди любят, когда их хвалят. А когда наказывают, не любят. Всегда спрашивают – за что? Как в Книге Иова. Ты прочитала?

МАРИЯ. Прочитала. НО ничего не поняла. Этот Иов ведь ничего плохого не сделал, а его почему-то наказали. Да еще как страшно – проказой. Другие пьют, развратничают, воруют – и ничего, восседают на самом вершине. Как это может быть? Разве и меня не предал Бог? Зачем Он отобрал у меня детство? Зачем поманил любовью к чужому? Я хочу уйти от него – и не могу. Какая-то сила влечет меня к нему, и эта сила сильнее меня. И сильнее Его, Бога. Иначе Он бы услышал мою молитву (*Встает на колени перед Спасом нерукотворным.*) Боже, помоги мне разлюбить его...

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ (*кладет руку на голову Марии*). Послушай меня... Когда-то у нас была своя вера, своя семья, свой дом... Но мы все разрушили. Отказались от Бога... Убили царя... Погубили тысячи невинных... Миллионы нерожденных младенцев... Вот теперь расколотые и маемся, замерзаем в одиночестве со своей расколотой любовью. Мой тебе совет, Мария: вспоминай почаще о том, что рассказывала тебе мать о своем детстве, о своих родителях, родственниках... Какие песни они пели, каких обычаев придерживались...

МАРИЯ (*встает*). Мама мне ничего такого не рассказывала. Помню только, как отец взял топор, а мама, загоразивая нас, детей, схватилась за вилы. Больше ничего не помню. Очнулась в больнице... Вижу белый потолок... И я вспомнила, как меня, маленькую, везли зимой в санях и была такая же, как больничный потолок, белая дорога... Казалось, до самого неба.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Знаешь, что говорили святые старцы от лица Его, Владыки нашего: «Все, что касается тебя, касается и Меня... Твоя немощь нуждается в Моей силе... Я возлюбил тебя, и потому для Меня составляет отраду воспитывать тебя...» Помолимся, Мария. Да избавит тебя Бог от сети ловцов. Да осенит тебя Своими перьями, чтобы под крыльями Его ты была как под щитом. Да заповедует Ангелам Своим – охранять тебя на всех путях твоих...

Становятся перед иконами, молятся:

«Господи, прости беззакония наши... Спаси души грешных рабов Твоих... Обнови нас...»

Затемнение.

Картина десятая

Садовый двор царского дворца. В беседке, убранной пестрыми шелковыми тканями, возлежит на ковре Ахашверош. У его ног – Эстер.

АХАШВЕРОШ. Я все хотел спросить, какого ты рода-племени?

ЭСТЕР. Я твоя покорная раба, мой господин. Ты – мой род, и ты – мое племя.

АХАШВЕРОШ. Твой ответ радует меня (*Эстер ластится к царю.*) Скажи, что ты хочешь?

ЭСТЕР. Я хочу... Я хочу, мой господин... устроить пир в твою честь и пригласить на него твоих министров... Амана, например. Ты позволишь?

АХАШВЕРОШ. Разумеется. Ты так скромна в своих желаниях... (*После некоторого раздумья, с чувством.*) ...Но я сам вознагражу тебя.... На пиру ты появишься в царском уборе.

Эстер, преданно и любовно глядя на царя, целует край его одежды. Тот растроган, поднимает Эстер с колен, обнимает ее.

АХАШВЕРОШ. Я... Я подарю тебе полцарства (*Целует ее в склоненную голову, уходит.*)

Эстер остается одна. Молится, стоя на коленях.

ЭСТЕР. Господи, дай мне сил... Дай мне сил делить постель с немилым, дай мне сил выдержать его постылые ласки... Ты имеешь ведение всего и знаешь, как гнушаюсь я ложа необрезанных и всякого иноплеменника. Но ты знаешь необходимость мою... Любовь, которую дала мне мать при рождении, вытекает из меня по каплям... Скоро я стану пуста и холодна, и во мне останется одна ненависть... Господи Боже Авраамов, помоги мне... Сделай так, чтобы он не заметил, как противен мне знак избранничества моего, который будет на голове моей; я гнушаюсь его, как одежды, оскверненной кровью... И не дорожу я пиром царским, и не пью вина идоложертвенного, и не веселюсь со дня перемены судьбы моей... (*Поднимается с колен, мстительно, с ненавистью.*) ...Они поплатятся... Они поплатятся за все зло, что причинили моему народу... Я сделаю так, что род Амана прекратится, а сам он будет повешен на том же дереве, которое приготовил для других.

Затемнение.

Картина одиннадцатая

(спустя несколько дней после встречи Марии с отцом Алексеем)

Квартира Ися. Мария поднимается по лестнице. Останавливается перед дверью. Несколько раз поднимает руку к звонку и каждый раз отдергивает. Неожиданно Мария замечает, что дверь не заперта, и это решает ее сомнения. Она тихо входит в прихожую и собирается уже заглянуть в комнату, как вдруг слышит телефонный разговор.

ИСАЙ. ...Мариша, погромче, плохо слышно... Он что, так и сказал – визы готовы?.. Ммм... Еще одну копию? На немецком... Да кому там нужны наши дипломы?

Мария выходит, прикрывает дверь, нажимает на кнопку звонка.

ИСАЙ. Иду-у-у... (*В трубку.*) Ну все, пока. Буду минут через сорок (*Открывает дверь. Мариш.*) Какой приятный сюрприз! Еще пару минут, и ты бы

меня не застала. Я уже одной ногой был за дверью, и вдруг – телефонный звонок. Думал, что ты звонишь.

МАРИЯ (*заходит в квартиру*). О витязь, то была Наина, то есть Марина, она же Эстер.

ИСАЙ (*помогает Марии раздеться*). Ты, кажется, выпила.

МАРИЯ (*проходит на кухню, пьет воду*). Да, да! Я пьяная, ленивая, трусливая... Что там еще говорят твои книги о таких, как я?

ИСАЙ. При чем здесь книги?

МАРИЯ. А при том, что все в твоих книгах – ложь.

ИСАЙ. Не кажется ли тебе, что это перебор?

МАРИЯ. «Перебор»... (*Усмехается.*) «Перебор» жить так, как живем мы – в ожидании, когда сварится кусок мяса.

ИСАЙ. Мы всего лишь обыкновенные люди.

МАРИЯ. Вот именно – «всего лишь». А хочется, чтобы красиво, чисто... Но где, где взять силы, когда вокруг холод, пустота и так много лжи... (*Плачет.*)

ИСАЙ. Ты можешь прямо сказать, что случилось?

МАРИЯ. Где мои письма?

Пауза

МАРИЯ. Где они?

ИСАЙ. В столе.

МАРИЯ. Я хочу... Я хочу... чтоб ты их сжег.

ИСАЙ (*после паузы*). Как скажешь.

Уходит в комнату, приносит пачку писем, отдает Марии.

ИСАЙ. Только сделай это сама.

МАРИЯ. Хорошо.

Кладет письма на металлический поднос, поджигает. Бумага тлеет, но не горит. Мария нервно чиркает спичками, рвет письма на мелкие кусочки, достает флакончик с духами, выливает на бумагу, огонь вспыхивает мгновенно. Бумага корчится, никнет, чернеет... Исай и Мария заморожено смотрят на пепелище.

МАРИЯ. Ну вот и всё.

ИСАЙ. Как просто.

Мария подходит к раковине, в раковине гора невымытой посуды.

МАРИЯ. Где перчатки? Я помою посуду.

ИСАЙ. В пакете.

Мария берет из пакета резиновые перчатки, надевает. Одна из перчаток рвется.

МАРИЯ. Я порвала перчатку.

ИСАЙ. Возьми другие (*Достает из пакета новые перчатки.*)

МАРИЯ. Нет, не надо. Я помою в этих.

ИСАЙ. Пожалуйста, сними.

МАРИЯ. Какая тебе разница? (*Открывает кран.*)

ИСАЙ. Я прошу тебя (*Протягивает перчатки.*) Руки будут некрасивые.

МАРИЯ. А я хочу мыть в этих.

Исай хватает Марию за руки, пытается снять перчатки, между ними завязывается борьба, наконец, Мария вырывается.

ИСАЙ. Извини (*Кладет перчатки на стол.*)

Мария моет посуду.

ИСАЙ. Хочешь чаю?

МАРИЯ. Хочу.

Исай наливает из крана воду в чайник, ставит на плиту.

ИСАЙ. Что все-таки случилось?

МАРИЯ (*не поворачиваясь, продолжая мыть посуду*). Ничего.

ИСАЙ. Я же вижу.

Пауза.

ИСАЙ. Чайник вскипел.

Мария молчит

ИСАЙ. Ты слышишь, чайник вскипел.

МАРИЯ (*после паузы*). Слышу (*Снимает перчатки, бросает в раковину.*)

ИСАЙ. Тебе как обычно – с мятой?

МАРИЯ. Все равно.

ИСАЙ. Ты можешь меня выслушать?

МАРИЯ. А ты можешь понять, *что* ты сделал?

ИСАЙ. Что я сделал?

МАРИЯ. Извини, но я слышала твой разговор по телефону.

ИСАЙ. Нехорошо подслушивать.

МАРИЯ. Я не подслушивала, так получилось.

ИСАЙ. Ну что ж... Все равно этого разговора не избежать. Я сдал документы задолго до знакомства с тобой. А потом наша встреча... Любовь дала мне силы, я даже начал верить, что все может устроиться и здесь... И так бы все и было... Но мой сын... У него постоянные стрессы... Он хочет понять, почему плохо быть евреем... И я не знаю, что ему ответить... Мне в моем детстве повезло больше: я тогда не знал, что мир делится на евреев и всех остальных... Я виноват перед своим сыном... Я не смог дать ему настоящего дома, защитить его... Но ты должна знать, всегда знать: мне хорошо только с тобой. Если ты хочешь... Если ты скажешь хоть одно слово, я никуда не поеду.

МАРИЯ. Не скажу. А то всю оставшуюся жизнь будешь думать, что не использовал свой шанс. Из-за меня не использовал.

ИСАЙ. А ты... У тебя есть здесь шанс?

Пауза.

ИСАЙ. Молчишь? Вот также и ваша Русь, птица-тройка, не дает мне ответа – есть ли здесь будущее для меня и моего сына?

МАРИЯ. Зачем ты придумал эту сказку – про дом?

ИСАЙ. Я видел его так же явственно, как сейчас тебя. В этом доме мы были мужем и женой. У нас были общая постель и общий стол. По утрам мы пили чай и из окна бросали крошки птицам.

МАРИЯ. А я вот что тебе скажу – ты был и остался птицеловом. Но на этот раз ты просто-напросто запутался в своих же собственных сетях.

ИСАЙ. Это не сети, это моя боль. У меня есть ты, но у меня есть и сын. Есть мой долг перед ним.

МАРИЯ. Долг? Оч-чень интересно! А долг перед той, которую ты назвал своей душой?

ИСАЙ. Ты делаешь мне больно.

МАРИЯ. Ах, извините... Я еще и жестокая.

ИСАЙ. Я был не прав, что не говорил с тобой об этом раньше. Но ты была так настроена... Мне казалось, ты не поймешь моих проблем.

МАРИЯ. Где уж мне вас понять. Вы такие сложные.

ИСАЙ. Не ерничай. Ты же знаешь – *что* ты для меня.

МАРИЯ. Но уезжаешь с ней.

ИСАЙ. Она мать моего сына.

МАРИЯ. Ты все-таки – чужой.

ИСАЙ. Только не тебе. Но тот остров, который ты придумала, не примет меня.

МАРИЯ. Почему? Это будет остров для всех.

ИСАЙ. Это все хорошо в твоей головке, а моему сыну вчера сказали в классе: «Ну ты, еврей, подвинься...» Дети жестоки в силу неведения и повторяют то, что по вечерам за ужином говорят их родители.

МАРИЯ. Мне в детстве тоже говорили... Язык не повернется повторить.

ИСАЙ. И ты считаешь это нормальным?

МАРИЯ. Я не считаю это нормальным, но это может случиться с любым и в любой стране.

ИСАЙ. Чего бы я не дал, чтобы мы были вместе.

МАРИЯ. Когда вы уезжаете?

ИСАЙ. Как только продадим квартиры.

Раздается звук разбитого стекла. Исай бросается в комнату. Возвращается раздосадованный.

ИСАЙ. Это ветер. Окно забыл закрыть.

МАРИЯ. Нет, это мой стеклянный домик разбился (*Смеется.*) Осталась я теперь без звезд.

Быстро уходит, почти убегает. По лестнице торопливо стучат каблучки.

ИСАЙ (*в открытую дверь.*) Мария!..

Возвращается в комнату, устало опускается в кресло. Издалека слышится древнее еврейское песнопение. Постепенно в мелодию еврейской тоски вплетается русская. Теперь на равных звучат две мелодии – еврейская и русская. Они жалуются друг другу, перебивают

друг друга, то одна из них, то другая берет верх... Наконец, древние песнопения вырываются из стесняющих их пределов, уносятся ввысь...

ЗАНАВЕС

2013 г.